

Анна Михалевская

Веселый бог Кокопелли

– Это милиция! Роберт Уокер задержан. Знаете такого?

Пять утра. Суббота. Декабрь. Я вжимаюсь ухом в телефонную трубку. Будто так могу услышать что-то другое. Например: «Это я, Артем, ужасно соскучился по тебе». Но строгий голос выстреливает обойму вопросов, и я окончательно просыпаюсь.

Конечно, я знаю Роберта Уокера. Ветеран Вьетнамской войны, любитель крепкого словца и слабого пола – директор нашего фонда. Четвертый или пятый директор, я сбилась со счета. Эта должность, как кресло зицпредседателя Фунта, часто бывает вакантной.

Пусть вас не смущает милиция и Вьетнамская война в одном флаконе. В Украине 90-х американские фонды – обычное дело. Наш – благотворительный. Благо совершается для бизнеса Украины руками американских консультантов. Если, конечно, украинский бизнес будет способен это благо принять.

Мне двадцать четыре, я считаю себя самостоятельной и опытной женщиной. А еще – бессмертной. Поэтому, не обращая внимания на уходящее время, ищу того, кто меня поймет. И чтобы отвлечься от постоянных провалов, с головой погружаюсь в работу.

Иногда она настигает и в выходные. Вот как сейчас. Делать нечего – отправляюсь в милицейское отделение.

Первое, что вижу, – Роберта в легкой рубашке и тапках на босу ногу. Уокер подскакивает со скамьи и бросается ко мне:

– Он нарушил право частной собственности! – сходу жалуется на английском Роберт. – Ворвался в мою квартиру!

У Роберта изо рта идет пар – в отделении чуть теплее, чем на улице. Он тычет пальцем в мужчину – голова у того перемотана бинтом.

Милицейский осаживает Роберта, но с ветераном Вьетнамской войны не так-то легко справиться.

Потерпевший – таксист, Роберт огрел его бутылкой. Версии, как таксист, бутылка и американец оказались в одном пространстве-времени, разнятся. Дверь отделения открывается – на подмогу приходят коллеги. При помощи силы убеждения и американского паспорта Роберта нам удастся его отстоять – кто пойдет на международный скандал?

В такси домой Роберт трет озябшие руки, возбужденно рассуждая про частную собственность и свои права. Яжимаю плечами. Здесь, в Украине, можно надеяться только на себя. Если оставляешь у барной стойки пиджак с кошельком в кармане и идешь танцевать, готовься: твоя собственность скоро перейдет к другому. Роберту это объяснить невозможно, пробовали не раз. Вот я на дискотеки хожу без сумки – деньги и помаду прячу в сапог. Я же говорила – женщина с опытом!

Возвращаюсь на съемную квартиру. В выходные одиночество чувствуется особенно. Хочется строить свою жизнь, но строить ее не с кем. И сидеть обнявшись под теплым пледом тоже не с кем. Остается читать – Булгакова, Фрейда, Пелевина... Где-то в середине стопки книг у кровати есть даже Библия. В книгах я тоже ищу – хоть образ, хоть намек.

Верчу в руках фигурку Кокопелли – подарил кто-то из консультантов. Кокопелли – бог изобилия, плодородия и больших перемен. Древние индейцы верили: он ходит по миру, исполняя людские желания и играя на флейте. Веселый бог Кокопелли мне нравится, а собственное настроение – нет.

Вечером выбираюсь на дискотеку. Танцевать лучше, чем рассуждать. В танце все ясно. А в словах есть фальшь. Даже с самыми близкими я чувствую эту пропасть. Даже когда хочот разбирает, понимаю – веселье поддельное. Это репетиция. Главное – впереди. Я просто пытаюсь не умереть со скуки, пока дождусь настоящего.

Неоновые лампы мигают, выхватывая застывшие силуэты людей. До следующей вспышки эти силуэты уходят в прошлое. Пусть уходят. Мне надо побыстрее в будущее. Там, где все уже хорошо. Земфира звонко заводит:

Я искала тебя, искала тебя.
А когда нашла...

Когда нашла. В моем танце появляется надежда.

* * *

На диване под американским флагом сидит Джоанна, руки под мышками, нос красный – еще не отогрелась с мороза. На другом конце дивана пожилая чета – Стив и Сара. Они нервно стискивают друг другу руки, будто им вот-вот прыгать с парашютом. Ну или без. Через час прилетает новый консультант, и мне скоро ехать в аэропорт – встречать. Но сейчас я нужна этим троим.

– Как прошел полет? – улыбка дается легко, я люблю знакомиться.

Каждый раз кажется: новый человек привнесет в жизнь то, чего так не хватает сейчас.

У Артема бы это получилось. Он не похож ни на кого – неожиданно появляется и меняет реальность. Ведет по винтовой лестнице на засыпанную листьями октябрьскую крышу. Мы срываемся посреди ночи на Куяльник и жжем там ноябрьские костры. Гуляем по обледеневшему декабрьскому морю...

Первой откликается Джоанна – она возбужденно рассказывает, как на высоте неожиданно открылась дверь самолета.

– Ничего, уже все хорошо, – говорит Джоанна и виновато улыбается.

Этой же фразой и виноватой улыбкой она закончит еще не одну историю. На Привозе у Джоанны украдут кошелек. В квартире заклинит дверь, и пока она будет бегать за помощью, сосед стащит ее покупки. Редкие дни, когда с Джоанной ничего не случалось. На крайний случай она вступала в собачье дерьмо.

Стив и Сара интересуются, можно ли мыть овощи водой из-под крана и есть ли у нас аптеки. В Штатах с ними провели инструктаж и обо всем предупредили! По ошибке готовили в Африку, думаю я, и провожу свой инструктаж. Аптек у нас больше, чем людей на улицах. Вода из-под крана не отравлена. Магазины работают едва не круглосуточно. Квартиры со всеми удобствами и недалеко от офиса. Компания очень ждет и уже готова принять. И если что – я всегда на связи.

Натянутые американские улыбки постепенно становятся искренними. В глазах теплеет.

Из директорского кабинета появляется Роберт в грузинской кепке-аэродроме. Козырек скрывает пол-лица. По понедельникам Роберт частенько ходит по офису в кепке – значит, за выходные с кем-то подрался и не хочет светить синяком под глазом.

Роберт приветствует гостей, американцы охотно отвечают, завязывается оживленная беседа. Пусть кепка и фингал, зато Роберт земляк – свой, понятный. Напряжение тает, в пространстве офиса витает пряный аромат кофе.

Я даю водителю отмашку – пора в аэропорт. Встречать новенького. Лихорадочно собираюсь: деньги, документы, хорошее настроение.

И почему американцы едут сюда? Все – успешные бизнесмены у себя в Штатах, час их консультации стоит тысячи, а то и десятки тысяч долларов. Почти каждый – счастливый семьянин. Преданная супруга или супруг, четыре-пять детей – это норма. К тому же наши консультанты – люди в возрасте. Но летят в непознанную Украину, о которой они раньше думали: это где-то в Румынии.

Идем через заиндевелый холл аэропорта, поднимаемся в вип-зал. Среди ожидающих гостей сразу узнаю нашего по выражению лица – даже за широкой улыбкой и бравадой всегда кроется растерянность. Будто человек не очень-то понимает, как здесь оказался. Нащупываю в сумке фигурку Кокопелли. На удачу.

– Привет, я Анна. Как прошел полет? – выдаю дежурную фразу, жму руку.

Очень хочется, чтобы консультант хоть на миг расслабился. Почувствовал себя дома.

Американец с длинными седыми волосами и в кожаной куртке-косухе крепко жмет руку в ответ. На поясе позвякивает нож, на груди – металлические цепи.

К нам пожаловал аутентичный рокер!

– Брайан! Приятно познакомиться! – в его глазах мелькает удивление.

Удивление – лучше, чем растерянность. Я прячу улыбку и веду Брайана к машине.

В такие моменты ноющая пустота в груди затягивается ряской, забывается. Сейчас главное – чтобы Брайан не улетел обратно в Штаты следующим же рейсом. Наши консультанты – волонтеры, и работают бесплатно. Их не связывают контракты, ничего – кроме собственной совести.

Впрочем, меня тоже ничего не связывает. Просто не люблю, когда плохо кому-то рядом.

* * *

Ночью будит звонок в дверь. Но открыть не успеваю. Сажу на пороге и слушаю удаляющиеся шаги. Это Артем. Хоть раз мог бы предупредить... И зачем уходить, если пришел?.. Полночи я задаю эти и другие вопросы Кокопелли, но беседа не клеится.

А утром начинаю ждать звонка. Ставлю Кокопелли на рабочий стол и слушаю консультантов, не отрывая взгляд от телефона.

– Вторую неделю не могу поговорить с директором, – жалуется Крис.

Крис прилетел в середине декабря. Под Новый год. Он ставил большие цели – написать бизнес-план, вывести компанию на новые рынки. В первый же день Крис попал на застолье – именины директора. Компания гуляла трое суток, не до планов. С таким же размахом вскоре отметили день рождения сына директора. Крис, ратовавший за здоровый образ жизни, терпел застолья и надеялся: скоро все закончится. Но после дней рождения пришла пора новогодних застолий. Крис стал подозревать, что так построен украинский бизнес: вместо офисного – обеденный стол. И с бокалом домашнего компота от накрывавшей столы тети Анжелы пошел знакомиться с главбухом. «Нот андерстэнд», – замахала

руками главбух и с бутылкой коньяка скрылась в своем кабинете. Переводчик и его печень к тому времени отлеживались дома и ничем помочь не могли.

– Кошмар какой-то, – отчаяние сквозит в голосе Криса, и по легкому амбре я понимаю, что здоровый образ жизни и компот от тети Анжелы остались в прошлом.

Загипнотизированный моим взглядом телефон молчит. Пора сказать Артему: все, хватит. Я не могу ждать вечно. Если не позвонит, найду его сама. Да, да, я три дня гналась за вами, чтобы сказать, как вы мне безразличны...

– Крис, праздники еще не закончились, – в кои-то веки успокаивать не хочется. Хочется говорить правду. – Впереди Старый Новый год, потом Крещение...

– Старый Новый год? Это шутка? – улыбка Криса гаснет, по моему взгляду понимает: нет, не шутка.

– Начало января не самое лучшее время для трудоголиков.

– И как мне составить этот чертов бизнес-план?! Только раз показали бухгалтерскую книгу. И сказали, что она ненастоящая. Настоящая в сейфе, ключ у бухгалтера, а бухгалтер заболела...

В сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – игла, смерть Кощея. Рассказ Криса для меня обычная, даже скучноватая история. А для него – триллер с неожиданным финалом.

– Обязательно поговорю с директором, не беспокойтесь, Крис. Хотите кофе?

Американец кивает. Кофе – это понятно. Это почти как на родине.

Крису явно не по себе. Он раздосадован, сбит с толку. Но в Штаты жалобы не пишет и домой досрочно не собирается.

«И зачем им это надо?» – задаю себе в который раз вопрос. Скучно дома? Ну да, там все просчитано и предсказуемо. На работе занимаются работой. Праздники только в праздники. Бухгалтерия одна. Еда обезжиренная. Напитки безалкогольные. С ума ж сойти можно. И это свободная страна Америка!

Набираю номер компании, которую консультирует Крис. Представляюсь, прошу директора. Тот уверенно оправдывается – конечно-конечно, будут завтра Крису Патриковичу все документы. Что ж, завтра и проверим.

Забираю Кокопелли со стола, прячу в карман. Артем сегодня не позвонит.

В почте нахожу письмо от Брайана. Помните рокера в косухе? Пару дней назад он улетел. С некоторыми осложнениями. Украинская таможня хотела лишиться его ножа – Брайан отхватил этот трофей на концерте «Кисс», сам Джим Симмонс расписался на рукояти. Пришлось поднять знакомства, чтобы вся амуниция осталась при Брайане. На американской таможне консультанта едва не отослали обратно в Украину. Но там имя «Кисс» и дарственная надпись Симмонса все-таки что-то значили. И Брайана впустили на родину.

Консультант благодарит и предлагает дружить. Мы с тобой прекрасно понимаем друг друга, пишет рокер Брайан шестидесяти лет. Отчасти так и есть. Я тоже люблю рок. И тоже читала Кастанеду. Правда, в отличие от Брайана, не ела пейот... И почему те, кто способен хоть что-то во мне понять, живут на другой стороне планеты?

Или исчезают – будто их и не было.

Ты делаешь вид, что мы чужие друг другу, Артем... Ведь это не так.

Я сжимаю Кокопелли – острые грани фигурки врезаются в ладонь. Хочу проснуться от этой жизни к другой. Хочу найти.

* * *

Конец января. Снег сыплет огромными хлопьями. Природа очнулась от долгих новогодних застолий и тоже решила поработать. Старается изо всех сил. Как бы не перестаралась. Нам сегодня четверых на самолет садить.

Я на кухне, в холле возня. Крики, громкий стук. Бросаю в чай ломтик лимона и выхожу в холл. На диване уже собранные сидят Крис, Джоанна, Стив и Сара. Американцы сияют – у них все получилось! Крис научился пить водку и таки составил бизнес-план. Джоанна перестала попадать в переделки, когда поймала за руку вора на базаре, а Сару я застукала – она ела невымытое яблоко. И прекрасно при этом себя чувствовала!

Чемоданы громоздятся в холле, не пройти. Но между ними горным козлом скачет Стенли. Он прилетел неделю назад, уже

успел исследовать все трамвайные маршруты Одессы и признаться всем девушкам офиса в любви. Недавно Стенли увяжался со мной на концерт. И терпеливо слушал часа три песни на русском, прежде чем крепко сжать руку и сказать, что я его судьба.

И вот Стенли снова в ударе. Лицо покраснело, он радостно улыбается вставной челюстью отменного американского качества. Я улыбаюсь в ответ. Не потому, что люблю Стенли, он всем порядком надоел. Просто у меня хорошее настроение – вечером свидание.

Стуки становятся все громче, я оглядываюсь и понимаю – стучат из сейфа! Сейф огромный, мы используем его как шкаф. Подбегаю, кручу ручку, открываю – из сейфа вываливается разъяренная замдиректора и бежит по чемоданам за Стенли. В руках у нее тяжеленная папка с годовыми отчетами.

Это Стенли так приглашает замдиректора на свидание. Она единственная еще не знает, чья она судьба.

Американская сборная консультантов азартно наблюдает за представлением. Жалуют, что надо уезжать? Рады, что бегут из этого дурдома?

На шум выходит из кабинета Роберт. Без кепки-аэродрома – сегодня не понедельник. Он покусывает кончик сигары, поглядывает на Стенли и понимающе кивает.

Под возмущенные возгласы замдиректора прощаюсь с американцами – мы обещаем друг другу скучать и писать. За месяц тесного общения столько узнаешь о людях, что становишься им почти родственником.

Водитель увозит консультантов в аэропорт, и я ухожу с работы пораньше.

Красная помада, красный гольф в обтяжку, короткая юбка и каблук. Волнуюсь, ничего не жду. И в то же время жду, что все изменится. Все будет – и теплый плед, и близкий человек рядом, и жизнь, которую я начну строить заново.

На всякий случай в сумочке – Кокопелли. Веселый бог, исполняющий желания.

Подумать только, недавно я хотела порвать с Артемом. Но услышала его голос и...

Артем встречает меня у подъезда, ведет через парадное с обшарпанными стенами. Открывает незнакомую квартиру. Пустое необжитое пространство. На столе – шампанское. И два не очень чистых бокала. Ничего этого я не замечаю. Горю ожиданием и слышу, как трещит по швам старый никому не нужный мир.

Пьем шампанское. Болтаем о пустяках и о важном. Смеемся.

Артем порывисто обнимает, я смотрю в его подернутые страстью глаза и вдруг вижу в них чужака. А как же близость?

Но близость другого толка мешает додумать мысль до конца. Помады на моих губах все меньше, горячие руки заново лепят мое тело. Все, можно расслабиться, раствориться и быть счастливой. Поиски закончились.

Звонок в дверь.

– Кое-что забыл, – хмыкает парень на пороге.

Он по-хозяйски подходит к шкафу, вытягивает какой-то сверток, прощается. Артем, запирая дверь, долго возится с замком.

– Квартира моего друга, он дал ключи, – между делом поясняет Артем.

Тыльной стороной руки я вытираю остатки помады на губах. Заплетаю в косу разметавшиеся волосы.

Артем снова обнимает, я отстраняюсь. Пытаюсь вспомнить, почему так долго ждала именно его. Ведь он целиком и полностью другой. Я никогда не пойму его, а он меня.

Смотрю на Артема новыми глазами. Уверенность сходит с его лица. И проступает растерянность. Я вижу такие лица в аэропорту по пять раз за неделю. Сочувствую, но ничем помочь не могу.

– Знаешь, мне надо идти. Спасибо за все. И – прощай!

Каблуки звонко отбивают ритм по ступенькам парадного с обшарпанными стенами. Ритм моей жизни. Не новой и не старой. Настоящей. Какой бы она ни была.

Выхожу на улицу и подставляю лицо снежным хлопьям. Они мягко ложатся на кожу и тают, будто кто-то невидимый в удивлении прикасается прохладными пальцами, и в этом прикосновении немой вопрос: ты ли это?

Я не знаю. Ничего не знаю. Мне только двадцать четыре.

Вечерний город нарядно поблескивает огнями. Небо венчает купол оперного. Дети скатывают снежки прямо на ходу, и они

летят – в надвинутые на глаза капюшоны, в смех, в радость. Под домом крадется рыжий кот, недовольно отряхивая от снега лапы. Ветер закручивает обручем метель у ног, треплет подол пальто. Вдыхаю морозный воздух – такой чистый и сладкий.

Почему я никогда не смотрела по сторонам?! Мир переполнен до краев – черпай не вычерпашь.

Теперь понимаю, зачем американцы едут в Украину, страну на краю света. Они ищут – так же, как и я. Надеются, что кто-то, чужой и далекий, возьмет их за руку и выведет к новому. Ведь прежняя жизнь – фейк, как бухгалтерские книги для Криса. Истинное еще впереди – в другом времени, в другой стране, в другом человеке. И не имеет значения, сколько тебе – двадцать четыре или шестьдесят четыре. Все равно ждешь – случится чудо: повернется невидимый винтик, все настроится, и Кокопелли заиграет на флейте.

Меня разбирает смех. Тот, чужой и далекий, сам блуждает впотьмах, хоть и таскает с собой фигурку веселого бога. И постоянно встречает таких же чужих, таких же далеких. И таких же слепых.

Никого не надо искать и ждать. Никуда не надо спешить. Всё уже есть.

Замираю и смотрю в небо. Там, на высоте десяти тысяч метров, летят домой люди, с которыми я месяцами шла в одной связке одиночества. Спасибо, что не дали упасть!

Хлопья летят беспорядочно – вверх, вниз, в стороны. Мир заволакивает белой пеленой. Чистая тетрадка, пиши что хочешь.

Марево постепенно рассеивается, оседает.

– Это ты потеряла? – какой-то парень протягивает фигурку Кокопелли.

– Теперь он твой.

Не спешу прощаться. Не спешу здороваться. Ведь у меня все есть. Просто иду как идется. Парень шагает рядом. А в руках у него играет на флейте веселый бог Кокопелли.

